

Право на самоопределение как юридическое основание воссоединения Крыма с Россией*

Владислав Толстых

В статье рассматривается право наций на самоопределение как основание воссоединения Крыма с Россией. Автор доказывает, что при определении содержания принципа самоопределения должна учитываться идея общей воли. Делается вывод о том, что государственный переворот на Украине привел к исключению населения Крыма из политического общения, что, в свою очередь, послужило предпосылкой формирования общей воли, направленной на воссоединение с Россией. Принцип невмешательства рассматривается как распространяющийся на ситуации, в которых иностранное государство вторгается в процесс формирования общей воли. В этом контексте поведение западных государств на Украине зимой 2013/14 года квалифицируется как нарушение данного принципа. Делается вывод о действительности крымского референдума; выраженная на нем общая воля была сформирована с полным осознанием всех существенных обстоятельств и в отсутствие обмана или принуждения. Рассматриваются правовые и политические перспективы урегулирования украинского кризиса и его культурологическое измерение.

→ *Принцип права наций на самоопределение; государство; суверенитет; общая воля; права человека; невмешательство*

Право на самоопределение и идея общей воли

Официальная российская позиция и позиция части отечественной доктрины в отношении воссоединения Крыма и России включает несколько главных аргументов, апеллирующих к несправедливости решения о передаче Крыма Украине в 1954 году, концепции гуманитарной интервенции, косовскому прецеденту, праву наций на самоопределение, наиболее твердым из которых представляется последний. Ссылки на принцип самоопределения делались в различных, порой противоречащих друг другу контекстах: деколонизации (начи-

ная с борьбы за независимость США); революций и переворотов (начиная с Великой французской революции); ирредентизма (начиная с процессов объединения Италии и Германии); сецессионизма и автономизма (начиная с разделения Османской и Австро-Венгерской империй). В современное международное право принцип вошел после Первой мировой войны; существенную роль в этом сыграли В. И. Ленин и В. Вильсон и соответствующая политика, проводимая СССР и США. Принцип был закреплен в ряде важных документов (Уставе ООН, Пактах о правах человека 1966 года, Декларации о принципах международного права 1970 года и др.¹); несколько раз к нему обращались Международный Суд ООН и другие международные органы². Официальные тексты по данному вопросу, однако, являются слишком общими или, наоборот, слишком фрагментарными и остенсивными. В этих условиях важную роль в уточнении принципа играет доктрина. Доктринальная дискуссия о содержании принципа самоопределения затраги-

* При написании данной статьи использовались отдельные фрагменты статей: Толстых В. Л. События в Украине и реакция западных государств: попытка международно-правового анализа // Российский юридический журнал. 2014. № 1. С. 55–67; Толстых В. Л. Воссоединение Крыма с Россией: правовые квалификации // Евразийский юридический журнал. 2014. № 5. С. 40–46. По просьбе автора статья публикуется в авторской редакции.

вадет один из главных вопросов права, связанный с определением сущности государства. Как справедливо отмечает Дж. Крофорд, «самоопределение на самом базовом уровне является принципом, касающимся права быть государством» («...Self-determination is, at the most basic level, a principle concerned with the right to be a State»)³. Для первого, магистрального, направления сущность государства воплощена в *суверенитете*, то есть в абсолютной и безусловной территориальной власти. Для второго направления сущность государства выражена в *общей воле* и обуславливающим ее общим интересе (общем благе). Для третьего направления сущность государства выражена в *правах человека*: отдельная личность с ее естественными правами рассматривается как центр социального устройства, а государство — как институт, главной функцией которого является обеспечение этих прав. Все три идеи отражены в действующем международном праве.

Идея общей воли не должна игнорироваться при определении содержания принципа самоопределения: во-первых, его формулировка четко указывает на уполномоченного субъекта — народ (нацию); во-вторых, идея суверенитета и идея прав человека выражены в самостоятельных принципах (суверенного равенства, невмешательства, прав человека); в-третьих, принцип самоопределения, будучи закрепленным в конституционном законодательстве, может рассматриваться как принцип права цивилизованных наций; в-четвертых, защитное условие Декларации о принципах международного права 1970 года является непосредственным выражением данной идеи (защитное условие устанавливает, что принцип самоопределения не санкционирует нарушение территориальной целостности государств, которые имеют правительства, «представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории», — соответственно, принцип санкционирует такое нарушение в иных случаях).

Понятие общей воли и вытекающее из него понятие общественного договора возникают у просветителей, прежде всего, у Руссо: «...Одна только общая воля может управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо», «...Волю делает общею не столько число

голосов, сколько общий интерес, объединяющий голосующих»⁴. Концепция политической коммуникации (Д. Хартли и Ю. Хабермас), в основе которой лежит аристотелевская идея общения, довольно близка к концепции общественного договора. Гегель и немецкая историческая школа (Г. Гуго, К. Савиньи и Г. Пухта) восприняли идею общей воли, однако у них она приобрела совершенно иной, более глубокий и трансцендентный характер: «Государство как действительность субстанциональной воли, которой оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном самосознании, есть в себе и для себя разумное»⁵. Самоопределение в свете идеи общей воли является самоопределением народа, под которым концепция общественного договора и концепция политической коммуникации подразумевают политический союз.

Таким образом, правом на самоопределение, в том числе в форме сепарации, могут пользоваться группы, исключенные из политического общения (исключенные из нации) и в результате оказавшиеся в естественном состоянии. Руссо очень точно замечает, что «государство сжимается», когда правительство перестает подчиняться законам: «...большое Государство распадается и в нем образуется другое Государство, состоящее только из членов Правительства и являющееся по отношению к остальному народу лишь его господином и тираном»; «в ту минуту, когда правительство узурпирует суверенитет, общественное соглашение разорвано, и все простые граждане, по праву возвращаясь к своей естественной свободе, принуждены, а не обязаны повиноваться»⁶.

Рассмотрение отделения Крыма в свете идеи общей воли

Сепарация Крыма не может быть обоснована идеей суверенитета. А. Пеле, отталкивающийся от этой идеи, пишет, что декларация, даже будучи основанной на референдуме, не создает государство; значение имеет только эффективность. Крым мог бы считаться государством, если бы после референдума ему удалось эффективно отстоять свою независимость в отношениях с центральной украинской властью («imposer effectivement son indépendance face au pouvoir central ukrainien»). Однако для этого необходимо, чтобы незави-

симось возникла без всякого вмешательства (вооруженного во всяком случае)⁷. Сецессия Крыма не может быть обоснована и идеей прав человека. Р. Маккокводейл, отталкиваясь от этой идеи, пишет, что основания для самоопределения Крыма отсутствуют, поскольку в Крыму, в отличие от Косово, не было угнетения и дискриминации его населения. Пытающееся восстановить порядок новое украинское правительство не предпринимало никаких враждебных действий против населения Крыма, оправдывающих отделение⁸. На близкой позиции стоит К. Марксен, утверждающий, что право на самоопределение обязывает уважать права меньшинств, но не предоставляет частям государства права свободно решать вопрос о своей принадлежности⁹.

Рассмотрение крымской ситуации с позиций идеи общей воли дает совершенно иные результаты, в соответствии с которыми зимний переворот в Киеве привел к расторжению общественного договора и исключению населения Крыма из политического общения.

Во-первых, в результате переворота был отстранен от власти Президент, за которого в 2010 году проголосовали 78,24 % избирателей в Автономной Республике Крым и 84,35 % в Севастополе (48,95 % на Украине)¹⁰.

Во-вторых, после переворота была инициирована кампания, направленная против двух парламентских партий — Партии регионов, за которую в 2012 году отдали свои голоса 52,26 % избирателей в Автономной Республике Крым и 46,90 % в Севастополе (30 % на Украине), и Коммунистической партии Украины (19,41, 29,46 и 13,18 % соответственно)¹¹. Против данных партий были выдвинуты политические обвинения; в отношении отдельных функционеров были возбуждены уголовные дела; на партийные офисы и отдельных членов партий были совершены нападения, в том числе во время парламентских заседаний. Фракцию Партии регионов покинули около 80 депутатов (было 187, к концу апреля 2014 года стало 104).

В-третьих, после переворота было сформировано переходное правительство, представляющее только две из пяти парламентских партий: «Батькивщину» и «Свободу», в совокупности получившие по результатам парламентских выборов 2012 года 36 % го-

лосов избирателей (в состав правительства вошли 7 членов «Батькивщины», 4 члена «Свободы» и 9 беспартийных).

В-четвертых, почти все ветви и уровни власти подверглись люстрации, по итогам которой ключевые должности были заняты представителями политических сил, причастных к перевороту.

В-пятых, новая власть отказалась от проведения мероприятий по восстановлению общественного консенсуса (референдума, досрочных парламентских выборов, созыва общенародного представительного органа). Будучи исключенным из политического общения, население Крыма оказалось в естественном состоянии и сформировало собственную общую волю, направленную на воссоединение с Россией.

В более широком социально-культурном контексте, на котором делает акцент историческая школа права, украинский кризис может рассматриваться как результат грубого воздействия на постепенно складывающуюся духовную общность украинского народа, последствием которого стало разрушение данной общности, не способной справиться с подобными вызовами. Это воздействие проявилось в инициировании отмены закона о региональных языках, многочисленных случаях сноса памятников Ленину (являющихся для многих не столько политическими, сколько национальными символами), антирусских прокламациях и выступлениях, форсированном распространении идей европейской интеграции и европейской принадлежности украинского народа. Важно отметить, что данное воздействие было осуществлено не только внутренними политическими силами, но и внешними субъектами (западными государствами и международными организациями), которые в системе координат исторической школы права могут квалифицироваться как агрессоры.

Идея общей воли и принцип невмешательства

Идея общей воли может рассматриваться как определяющая действие принципа невмешательства. Декларация о принципах международного права 1970 года запрещает «применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться

подчинения себе другого государства». Подчинение предполагает воздействие на волю; «волевое поведение распадается на принятие решения и его реализацию»¹². Вмешательство в связи с этим имеет место тогда, когда один субъект препятствует другому субъекту принимать решение (формировать волю) и/или реализовывать его (реализовывать волю).

Применительно к международным отношениям можно выделить два варианта препятствования формированию воли: когда иностранное государство препятствует формированию воли правительства и когда оно препятствует формированию общей воли. Формирование общей воли представляет собой сложный политический процесс, участниками которого являются правительство, политические партии, религиозные организации и другие элементы политического организма (нации). Так же как и формирование воли человека, формирование общей воли представляет собой внутренний процесс, то есть процесс, ограниченный пределами политического организма, из которого исключены внешние по отношению к этому организму субъекты и воздействия. Наличие внешних субъектов и их поведение, безусловно, учитываются внутренними субъектами, однако учет не означает инкорпорации — внешние факторы остаются динамическими источниками информации. Внутренние субъекты обладают монополией на взаимодействие с нацией, аналогией которой является естественная монополия человека на согласование действий своих органов. Вмешательство в процесс формирования общей воли представляет собой преодоление границ политического организма и проникновение в него. Такое проникновение имеет место, когда иностранное государство взаимодействует с одними элементами политического организма и создает помехи для функционирования других элементов (при этом взаимодействие с государством в целом, конечно, является правомерным, будучи взаимодействием двух автономных организмов). Такое проникновение представляет собой нарушение естественных законов функционирования политического организма, оно неизбежно влечет разбалансировку, разъединение, разобщение политического организма, отдаление его элементов друг от друга и, в крайнем случае, распад организма или атро-

фию его отдельных элементов. В этом состоит *механистический* эффект проникновения. Меняя характер взаимодействия элементов политического организма, такое проникновение неизбежно влияет на результаты взаимодействия, в том числе на принимаемые политические решения. В этом состоит *интеллектуальный* эффект проникновения. Таким образом, взаимодействие иностранного государства и отдельных элементов политического организма является неправомерным вмешательством; общая воля (ее формирование и реализация) не может подвергаться воздействию со стороны других государств, не частных общему благу, образующему ее онтологическое основание. Любое вмешательство является не только вредным воздействием, но и проявлением отношения к государству как к несостоявшемуся (*failed*) и не самодостаточному. Именно эта посылка в свое время обеспечивала колонизацию обитаемых территорий; установление режимов капитуляций; расширение жизненного пространства (*Lebensraum*); в настоящее время именно она обеспечила вмешательство во внутренние дела Югославии, Ирака и Ливии. Довольно часто внешнее воздействие на общую волю оправдывается ссылками на законные цели (например, связанные с защитой прав человека); в этом случае проблема квалификации может быть решена с использованием принципа пропорциональности¹³.

Вмешательство западных государств в процесс формирования общей воли на Украине зимой 2013/14 года

В рассмотренном выше контексте поведение западных государств на Украине зимой 2013/14 года может квалифицироваться как вмешательство в процесс формирования общей воли и, соответственно, как нарушение принципа невмешательства. Проявлениями данного вмешательства стали комментирование действий и позиций субъектов внутренней политики; солидаризация с украинской оппозицией и участие в организуемых ей акциях; проведение встреч с представителями оппозиции и заключение с ними политических договоренностей; обращения к украинской нации в отсутствие разрешения со стороны украинского правительства; использование средств массовой информации, в том

числе украинских, для поддержки оппозиции и дискредитации правительства. Данное вмешательство явилось одним из главных факторов, приведших к государственному перевороту, пересмотру решения о подписании Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом, отделению Крыма, гражданской войне на юго-востоке Украины, конфронтации Украины и России.

Рассмотрение данного вмешательства через призму четырех условий пропорциональности позволяет сделать следующие заключения.

Первое условие пропорциональности (обоснованность) можно считать выполненным. Западные страны обосновывали свои действия заботой о правах человека, что позволяет им ссылаться на договорные обязательства Украины (Европейская конвенция 1950 года и Пакты 1966 года), региональные обычаи в сфере прав человека и универсальные обычаи *in statu nascendi*, отражающие концепции гуманитарной интервенции и ответственности за защиту. Некоторые действия позволяют предположить, что главными целями вмешательства были заключение Соглашения об ассоциации и разрыв связей между Украиной и Россией (прямые доказательства первичности указанных целей, однако, отсутствуют).

Второе условие пропорциональности (адекватность) не было выполнено: некоторые действия западных государств не имели прямой связи с заявленными гуманитарными целями (визиты на Майдан, контакты с оппозицией, комментирование общей политики властей, предложения о посредничестве и др.). Данные действия окончательно утратили смысл после того, как власти предоставили гарантии неприменения силы и начали расследование нарушений, совершенных 30 ноября 2013 года.

Третье условие пропорциональности (необходимость) также не было выполнено. Реакция Запада на нарушения не ограничилась требованиями о проведении расследования и соблюдении гражданских свобод; наряду с этим были поставлены вопросы о перевыборах, масштабных политических и экономических реформах, переориентации внешней политики. Действия западных государств были системными и согласованными, что значительно усилило их эффект.

Наконец, не было выполнено и четвертое условие пропорциональности (пропорциональность *sensu stricto*): интерес Запада был защищен ценой умаления достоинства суверенного государства и создания препятствий для свободного определения им целого спектра вопросов внутренней и внешней политики.

Референдум как публично-правовая сделка

Защищенность процесса формирования общей воли означает его исключение из предмета международно-правового регулирования. Заключение Международного Суда ООН по Косово от 22 июля 2010 года подтверждает данное рассуждение. Суд отметил, что в XVIII, XIX веках и начале XX века было принято большое количество деклараций независимости; некоторые из них привели к образованию новых государств, другие — нет; практика государств не предоставляет свидетельств того, что декларации независимости рассматриваются как нарушение международного права; наоборот, из нее следует, что международное право не запрещает данные декларации. Логично предположить, что если международное право не регулирует декларации независимости, являющиеся непрямым выражением общей воли, то оно не регулирует и референдумы, являющиеся прямым выражением данной воли. Несмотря на то что другие государства не должны воздействовать на формирование общей воли, сам факт ее формирования и выражения представляет для них интерес, поскольку от его существования во многом зависит решение проблемы признания и проблемы определения внешней политики. Данный факт может быть констатирован, только если общая воля была сформирована и выражена с полным осознанием всех существенных обстоятельств и в отсутствие обмана или принуждения со стороны других лиц (то есть если она соответствовала действительному интересу нации). В этом смысле выражение общей воли может рассматриваться как публично-правовая сделка, подпадающая под действие общих начал римского права.

Установление факта выражения общей воли и ее беспорочности осуществляется при помощи доказательств. В этом контексте и

должен рассматриваться вопрос о действии международных стандартов проведения референдумов, закрепленных в Рекомендации ПАСЕ 1704 (2005) «Референдумы: в направлении надлежащей практики в Европе» и в Кодексе надлежащей практики проведения референдума, принятом Венецианской комиссией в 2007 году¹⁴. Данные стандарты независимо от степени их обязательности адресованы не столько нации, осуществляющей самоопределение, сколько другими государствам, устанавливающим факт формирования и выражения общей воли. Перечисленные в них обстоятельства (мирный характер референдума; всеобщее, равное, свободное и тайное голосование; свобода средств массовой информации и нейтральность властей; международное наблюдение; исчерпание переговорных возможностей; разумный срок между датой назначения референдума и датой его проведения и др.) должны рассматриваться как убедительные доказательства беспорочности общей воли. Отсутствие некоторых из них, однако, не должно автоматически влечь вывод о порочности; такой вывод может быть сделан только на основе анализа конкретной ситуации и при наличии убедительных доказательств принуждения, обмана или ошибки.

Квалификация крымского референдума

Применительно к крымскому референдуму в качестве дисквалифицирующих факторов рассматриваются российское присутствие и несоблюдение свобод слова и собраний.

Российское присутствие, однако, не ставило целью вмешательство в процесс формирования общей воли населения Крыма и поэтому не может рассматриваться как принуждение, дискредитирующее референдум (хотя, конечно, именно оно не позволило киевской власти вмешаться в развитие событий). Следует напомнить, что целый ряд референдумов о самоопределении проводился в условиях военного присутствия заинтересованной стороны: референдум в Пуэрто-Рико (2012), референдум на Северных Марианских островах (1975), референдумы на Ниуэ (1974) и в ряде других стран.

Несоблюдение свобод слова и собраний, даже если и имело место, вряд ли может рассматриваться как обман населения Крыма.

Наконец, вопрос об отделении Крыма от Украины и присоединении его к России является достаточно ясным (в отличие от вопроса об ассоциации Украины и Европейского Союза); в связи с этим трудно предположить, что население Крыма сделало свой выбор под влиянием заблуждения. Результаты референдума были определены другими факторами, гораздо более устойчивыми, мощными и очевидными, — прежде всего, исторической и культурной общностью Крыма и России, оказавшейся под угрозой в результате государственного переворота. В этом контексте утрачивает значение вопрос о сроках проведения референдума; естественно предположить, что, считая себя частью русского мира, жители Крыма были изначально предрасположены к политическому союзу с Россией.

Перспективы урегулирования украинского кризиса

Достижение консенсуса относительно юридической квалификации украинского кризиса является затруднительным. Главная причина состоит в том, что стороны закладывают в обоснование своих правовых позиций различные политические идеи, каждая из которых отражена в международном праве. Так, Запад оперирует идеей прав человека и идеей суверенитета; Россия — идеей общей воли.

Позиция России является если не более убедительной, то более последовательной. Действительно, зимой 2013/14 года, оправдывая государственный переворот в Киеве и свою поддержку оппозиции, Запад опирался на идею прав человека, пренебрегая идеей суверенитета; весной 2014 года, возражая против отделения Крыма и оправдывая действия киевских властей на юго-востоке страны, Запад опирался на идею суверенитета, пренебрегая идеей прав человека. Кроме того, не учитывая идею общей воли и связанные с ней политические концепции, Запад отказывается от собственного культурного наследия, на котором во многом зиждется его сегодняшнее процветание.

В связи с этим передача крымского вопроса в Международный Суд ООН не имеет больших перспектив. Скорее всего, решение будет вынесено в пользу Запада, представители которого составляют большинство в Суде; косовский прецедент свидетельствует о

том, что это не станет препятствием для вынесения в будущем противоположного решения по аналогичному делу. Россия, конечно, откажется исполнять такое решение. Кроме того, как справедливо отмечает Я. Клабберс: «...Было бы сложно аргументировать, что решения о государственности должны приниматься судами: и не столько потому, что судам нельзя доверять, сколько потому, что ответственность является слишком большой: разрушение или даже уничтожение самого существования политического сообщества (возможно, если не неизбежно, сообщества, имеющего долгую историю) не является тем, чем должны заниматься суды»¹⁵.

Правовые уроки украинского кризиса тем не менее очевидны.

Первый урок состоит в том, что понимание государства в международном праве должно быть более глубоким, учитывающим не только идеи суверенитета и прав человека, но и идею общей воли. А. Карти пишет по этому поводу: «Принцип эффективности, связанный с порядком и безопасностью, полностью определяет систему и технику международного права. Однако доктрины несостоявшегося государства, опыт современной Африки и иные многочисленные острые и неразрешенные конфликты (Чечня, Кашмир, Палестина, Тибет и т. д.) свидетельствуют о том, что, хотя международное право и обеспечивает правовой ответ, оно делает это, опираясь на исторические правовые традиции, которые стали анахроничными и неполными»¹⁶.

Второй урок состоит в том, что обязанность невмешательства должна рассматриваться как включающая не только обязанность воздерживаться от действий, направленных на ослабление суверенитета, но и обязанность воздерживаться от действий, способных поставить под угрозу духовную общность нации или ее политическое единство.

Политическое урегулирование украинского кризиса предполагает два возможных решения: восстановление *status quo ante* или закрепление существующего *status quo*. Первое выглядит утопией: ни Запад, принявший деятельное участие в организации государственного переворота и добившийся политического и экономического подчинения Украины, ни Россия, включившая в свой состав Крым, не заинтересованы в его реализации и не доверяют друг другу в достаточной

степени; сама же глубоко разобщенная Украина не обладает необходимым потенциалом. Второе решение, которое в случае с Украиной может быть принято конклюдентно, посредством «бездействия и молчания»¹⁷, — более реально, хотя и оно не является панацеей: замороженный конфликт вполне может проявить себя в будущем.

К великому сожалению, украинские события привели Россию и Европу «в состояние непрерывной зависти и в состояние и положение гладиаторов, направляющих оружие друг на друга и зорко следящих друг за другом»¹⁸; действие международного права и достижение долгосрочного политического консенсуса, являющегося предпосылкой такого действия, в этих условиях выглядят очень проблематичными.

Культурологическое измерение украинского кризиса

Украинский кризис имеет не только политическое и правовое, но также идеологическое, культурологическое, историческое и цивилизационное измерения.

У России есть все основания рассматривать экспансию Запада на Украине как направленную непосредственно против нее самой: как репетицию генерального наступления на Россию и как посягательство на духовную общность славянской цивилизации. В этом смысле ее реакция на украинский кризис может рассматриваться как «чрезвычайный случай самообороны, когда под угрозой поставлено само дальнейшее существование государства»¹⁹, как действия во имя самосохранения государства. Результатом государственного переворота явилось не только отделение Крыма от Украины, но и отделение Украины от русского мира. Однако в отличие от Крыма, ставшего частью России, Украина не стала и, наверное, не станет частью Европы или западного мира; для этого ей потребовалось бы полностью отказаться от своего языка, религии, истории и генетической памяти. Положение, в котором она оказалась, можно охарактеризовать как маргинальное; длительное нахождение в нем может негативно сказаться на украинской нации. Перспектива присоединения Украины к Европейскому Союзу была хорошо описана М. В. Городецким: «Использование политического про-

дукта Европы без других продуктов европейской культуры невозможно. Поэтому неизбежным следствием присоединения Украины к Европейскому Союзу будет глубокая и разносторонняя инъекция внутрикультурных западноевропейских продуктов, которые обязательно войдут в конфликт с привычным, гармоничным и самодостаточным укладом украинской жизни, возможно даже не осознаваемым самими украинцами, но продолжающим действовать по глубокой исторической инерции. Продукты европейской культуры не будут приняты в их целостности и органичности — украинский же уклад под действием их силы будет дезорганизован и раздавлен. Итогом станут перманентный ценностный пат, не приводящий к какому-либо позитивному результату; невозможность полноценной жизненной реализации на общенациональном и личностном уровнях; снижение образовательного уровня населения из-за невозможности соответствия западным критериям; перенос социальных ценностей в сферу потребления и маргинализация культуры в целом»²⁰.

Положение, в котором оказалась Россия, также является очень тяжелым. Отдаление Украины, независимо от того, как его оценивают сами украинцы, является трагедией для российской идентичности, утрачивающей многие важные смыслы, генетически связанные с Украиной. Оба государства, таким образом, объективно заинтересованы в как можно более скором восстановлении дружественных отношений, — для того, чтобы этого добиться, Россия, как представляется, должна проявлять по отношению к Украине максимальное дружелюбие и сострадание и с пониманием относиться к той реакции, которую вызвало у украинцев отделение Крыма.

Толстых Владислав Леонидович — ведущий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета, доктор юридических наук.
vlt73@mail.ru

Ассамблеи ООН № 1541 (XV) от 15 декабря 1960 года «Принципы, которыми государства — члены Организации должны руководствоваться при разрешении вопроса о том, обязаны ли они передавать информацию, предусмотренную статьей 73е Устава»; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1654 (XVI) от 27 ноября 1961 года «О ходе осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам»; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2621 (XXV) от 12 октября 1970 года «Программа действий в целях полного осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам».

² См.: Консультативное заключение Международного Суда ООН о юридических последствиях для государств, вызываемых продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии вопреки Резолюции № 276 (1970) Совета Безопасности от 21 июня 1971 года; Консультативное заключение Международного Суда ООН о Западной Сахаре от 16 октября 1975 года; Консультативное заключение Международного Суда ООН о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории от 9 июля 2004 года.

³ Crawford J.R. *The Creation of States in International Law*. Oxford: Oxford Scholarship Online, 2010. P. 106.

⁴ *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права // *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1968. С. 167, 173.

⁵ *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мир книги; Литература, 2007. С. 319.

⁶ *Руссо Ж.-Ж.* Указ. соч. С. 216.

⁷ См.: *Pellet A.* Crimée: une invasion, un référendum, une sécession? // *Le Monde.fr*. 2014. 14 mars (http://www.lemonde.fr/idees/article/2014/03/14/creee-une-invasion-un-referendum-une-secession_4383329_3232.html).

⁸ См.: *McCorquodale R.* Ukraine Insta-Symposium: Crimea, Ukraine and Russia: Self-Determination, Intervention and International Law. 2014. 10 March (<http://opiniojuris.org/2014/03/10/ukraine-insta-symposium-crimea-ukraine-russia-self-determination-intervention-international-law/>).

⁹ См.: *Marxsen Ch.* Crimea's Declaration of Independence. 2014. 18 March (<http://www.ejiltalk.org/crimeas-declaration-of-independence/>).

¹⁰ См.: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2010/02/7/4730368/>.

¹ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 637 (VII) от 16 декабря 1952 года «Право народов и наций на самоопределение»; Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1514 (XV) от 14 декабря 1960 года); Резолюция Генеральной

- ¹¹ См.: <http://rus.newsru.ua/arch/ukraine/01nov2012/viborooblast.html>.
- ¹² Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 90.
- ¹³ Данный принцип, созданный немецкой доктриной и ставший частью права, применяемого Европейским Судом по правам человека и Органом по разрешению споров ВТО, рассматривается как принцип права цивилизованных наций (см.: *Должигов А. В.* Применение принципа соразмерности ограничения основных прав Европейским Судом по правам человека при рассмотрении «российских дел» // Практика Европейского суда по правам человека и российская правовая система: Сборник научных статей / Под ред. Д. В. Красикова. Саратов: ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 2006. С. 47–48; *Cannizzaro E.* *Diritto Internazionale*. Torino: G. Giappichelli Editore, 2012. P. 128–131).
- ¹⁴ Подробно см.: *Peters A.* Sense and Nonsense of Territorial Referendums in Ukraine, and Why the 16 March Referendum in Crimea Does Not Justify Crimea's Alteration of Territorial Status under International Law. 2014. 16 April (<http://www.ejiltalk.org/sense-and-nonsense-of-territorial-referendums-in-ukraine-and-why-the-16-march-referendum-in-crimea-does-not-justify-crimeas-alteration-of-territorial-status-under-international-law/>).
- ¹⁵ *Klabbers J.* The Right to be Taken Seriously: Self-Determination in International Law *Jan Klabbers // Human Rights Quarterly*. Vol. 28. 2006. No. 1. P. 186–206, 190.
- ¹⁶ *Carty A.* *Philosophy of International Law*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. P. 92.
- ¹⁷ См.: *Baros M.* Response to Jure Vidmar' blog. 2014. 20 March (<http://www.ejiltalk.org/crimeas-referendum-and-secession-why-it-resembles-northern-cyprus-more-than-kosovo>).
- ¹⁸ *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Гоббс Т.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 97.
- ¹⁹ Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion // *I.C.J. Reports*. 1996. P. 226. Para. 105, 2), E).
- ²⁰ *Городецкий М. В., Толстых В. Л.* Основания и перспективы российско-украинских отношений // *Экономические стратегии*. 2011. № 9. С. 38–43, 39.